

Введение

Позвольте представиться: Дибров Дмитрий Александрович, телезвезда.

В том смысле, что вы легко найдёте мое изображение в женском журнале между заметкой о том, как фигурно изрезать болгарский перец, и рекламой средства от преждевременной плешивости.

Я там наверняка буду застигнут врасплох.

«Врасплох» означает, что из всех снимков, которые изнурённый нищетой и алкоголизмом фотограф принесёт в редакцию, редактор отдела светской жизни, — а это обычно человек с проблематикой Раскольников, — выберет идеальную иллюстрацию сразу к нескольким статьям учебника по судебной психиатрии.

И ещё термин «телезвезда» означает, что меня просят расписаться где ни попадя.

Если жизненную логику редакторов светской хроники можно легко понять при виде их обуви, то смысл этой обязательной для звезды процедуры мне не постичь никогда.

Ведь вовсе не секрет, куда затем уходят обрывки обёрточной бумаги от давно вручённых подарков, билеты на давно провалившиеся концерты, газеты с давно устаревшими новостями, на которых я оставил свою роспись.

Я даже слышу торжественный звук, каким сопровождается их уход.

Раньше по простоте душевной я полагал, что зритель, безмерно чтя и уважая нашу работу, желал бы за миг случайной встречи получить напутствие для размышления о природе успеха. И по мере того как мой поход в булочную стал мало-помалу напоминать мультфильм про льва Бонифация, такое напутствие подобрал.

Оно представляло собою цитату из предсмертной работы Петра Алексеевича кн. Кропоткина и, по мысли автора, должно было служить квинтэссенцией всей анархической этики.

Оно звучало так: «Насаждай вокруг себя жизнь».

Среди тысяч бумаг, на которых я оставил эту фразу, были обложки воинских билетов и даже амбулаторная карта венерологического диспансера.

Но потом это кончилось, и вот как.

Под утро я вышел из ночного клуба. Ко мне подлетела будущая маляр шестнадцати лет с неподростково развитыми формами.

— Ты Дибров? — качнувшись, икнула она.

— Да.

— Распишись!

— У меня нет ручки.

— У меня есть!

— Мне негде.

Она не думала ни секунды.

— Пиши здесь! — с этими словами она распахнула шубу и выставила на тридцатиградусный мороз что бог послал.

Я привычно занёс было ручку... И тут живо представил, как пару часов спустя она распахнёт эту свою шубейку перед собственным женихом в подмосковных Электроуглях, и тот с интересом прочтёт предсмертное напутствие князя Кропоткина молодёжи.

С тех пор я прекратил насаждатьку.

Теперь я практикую эхололию. Я повторяю последние слова обращения.

— Дайте автограф!

«Автограф», — пишу я.

— Напишите что-нибудь!

«Что-нибудь», — пишу я.

И ещё фото.

Как-то раз на улице ко мне обратился исключительно вежливый человек. Он учтиво осведомился, не согласился ли бы я сфотографироваться с его женой, которая, по его словам, большая моя поклонница.

Пленённый его обращением, я согласился.

— Роза! — он тут же прокричал жене. — Иди, он хочет с тобой сфоткаться.

Не помню, как и когда ко мне прилепилась эта самая «звезда».

У меня нос, как у удода, в кадре я сажу скрюченный, как улитка, да вдобавок и тюкаю. Это потому, что я родом с Дона, а там в момент наивысшего удивления тюкают все.

Так почему же со мною случилась эта самая слава со всеми её Розами и насаждайками? Простая логика подсказывает, что зритель должен получать от меня нечто, по сравнению с чем не так важен удогий нос и даже донское «тю».

Хотите знать, что именно?

Если вы держите в руках эту книгу, значит, хотите.

Не беда, что наша с вами разница в том, что в сложном слове «телезвезда» меня волнует первый корень, а вас — пока второй с шубейками нараспашку.

Это лишь пока, и это нормально, поскольку нормальный человек не может не любить славу. И это не порок, а великое благо. Ведь не люби осёл морковку — чем вы заставили бы его проделать ожидаемую работу?

Должен предупредить: морковка эта привязана к вашей спине. Чем неистовее вы будете наступать её, тем стремительнее она станет удаляться. Но так будет до поры.

До какой такой поры?

До той, когда эгрегор (о нём подробно позже) решит, что вас стоит заточить в лампу. Если лампу потрут — читай: устроятся с чаем и кошкой на диване и включают телевизор, — вы в состоянии выполнить любые желания.

Но только если потрут.

Если чай остынет, кошка смоеется, а вас за целый вечер так и не включат — плакали вы со всем вашим всемогуществом.

Вы всемогущи, пока трут лампу.

Значит, это книга для джиннов?

И да, и нет.

Когда я слышу вопрос: «Какова ваша целевая аудитория?», я понимаю, что передо мной телебездарь. В луч-

шем случае бездарь образованная. Ведь в бесчисленных PR-заведениях, живых и интернетных, этому их учат перво-наперво.

Потому что пиар — наука о том, что кому втюхать.

При этом первая часть менее важна, чем вторая. Отличник этой дисциплины способен сбывать что угодно. Важно только определить, в чём слабость потенциальной жертвы. Поездной шулер назовет его фрэером, учебник по успешному пиару — целевой аудиторией.

К сожалению, сегодняшнее телевидение — империя пиар, и не уметь жонглировать теорией втюхивания со всеми ее QVR и RSP так же опасно, как в кабинете Берии усомниться в неизбежности торжества ленинских догматов.

Я не боюсь. Потому что за мной тридцать лет служения, я из тех времен, когда такой фразы в «Останкино» не существовало. И на вопрос из новых времен «На кого рассчитан ваш контент?» — я даю ответ из старых — а по мне, из вечных — времён.

— На всех! — и прибавляю, если собеседник того стоит: — Если бы Татьяна Михайловна Лиознова и Эльдар Александрович Рязанов озадачивались этим вопросом, телевидение не получило бы ни мраморного Штирлица, ни пьяненького Лукашина. Один, чуть подкрашенный, и сегодня шагает по рейтинговым высотам, как по коридорам РСХА. Без второго по сей день не обходится новогодний телевизор.

При этом важно, что вся аудитория смотрит одно и то же, но каждый из её сегментов видит своё. Удивительно, даже «смехоточки» совпадают! В одном и том же месте смеются академик Мигдал и надымский стрелок ВОХРа.

Так незабвенный Леонид Иович Гайдай называл акценты в своих лентах. Они потом в виде афоризмов стали достоянием всех сегментов аудиторий всех времен. Включая нынешнее. Правда, каждый вкладывает в них свой смысл.

Тогда в чём же штука? В таланте.

А это что такое? Без мистики не обойдёшься. Прочитирую одного из самых виртуозных гитаристов планеты Джона Маклафлина-Махавишну: «Происходит своего рода мистическое действие. Некто способен слышать то, что пока беззвучно, и делать это слышным остальным».

К сожалению, многим в «Останкино» сегодня не слышно ничего, кроме рингтонов банкомата. Так как их слуховые каналы забиты, они не слышат то, что пока беззвучно, и потому неспособны произвести успех. Тогда приходится его моделировать при помощи пиар-науки, разложившей на составные чужие достижения.

Но я пишу эту книгу сегодня. И волей-неволей приходится соответствовать.

Так для кого же я ее пишу?

Для тех, кто хотел бы стать телезвездой.

То есть для всех.

Даже для тех, кто хотел бы косить бабло в Сети.

Неважно, в Ютубе или в Инста.

Таких я хотел бы известить: безразлично, чем тебя доносят до зрителя, телебашней или модемом. Теле- и компьютерный монитор сегодня неотличимы, часто они подменяют друг друга.

Значит, законы успеха одни и для «Останкино», и для Сети. Бетакам, снимавший ещё Ельцина, и смартфон с выеденным яблоком на спине одинаково беспощадно продемонстрируют, как ты бубнишь под нос и бегаешь глазами, как нашкодивший спаниель.

И наоборот.

Телеуспех — он и в ТикТоке телеуспех.

Значит, и видеоблогер, и тиктокер, и инста-нарцисс сегодня в том же положении, в каком мы оказались в девяностых в «Останкино», когда лепили из воздуха новое телевидение как бог на душу положит.

Никогда — ни до, ни после, — в истории цивилизации не повторятся эти десять лет. Где это видано, чтобы рыба доставалась рыбакам, сталь — сталеварам, а телевидение — телевизионщикам?

Только в начале девяностых в России.

Тогда на вопрос: «Смотришь ли ты телевизор?» — было так же стыдно ответить «Нет», как сегодня на тот же вопрос ответить «Да».

В девяностых мы выпустили на волю законы славы — до нас они были заточены в катакомбы магнитофонной и ротапринтной культуры.

Это мы перерезали толстую кишку, по которой в останкинские студии поступали каловые массы из десятого подъезда здания ЦК КПСС на Старой площади, где и располагался Идеологический отдел.

Это мы начали кормить наш телевизионный эгрегор живой энергией миллионов зрителей.

Дмитрий Дибров. РАБ ЛАМПЫ

Теперь его обратно не загонишь. Избалованный живой пищей, он ускользает в Интернет, чтобы не питаться пропагандистской падалью.

Что это за падаля и как её отличить? Об этом книга.

А что это за вечные законы телевизионного успеха? Книга и об этом.

А ещё о любви.

Как-то у основателя Led Zeppelin Джимми Пейджа спросили, в чём суть эпохи исполинов мирового рок-н-ролла вроде него, а также Deep Purple, Black Sabbath и так далее по списку первооткрывателей новой энергии.

Он ответил:

— Это было единственное время, когда музыкантам платили за то, что они любили по-настоящему. Ни до, ни после такого больше не было.

Что же такое по-настоящему любило наше поколение, назовём его «взглядовским»?

А вот почитайте. Интересно, почувствуется ли?

#костры напротив Белого дома

200
| ||| |
300
| ||| |
350
| ||| |
400
| ||| |

#«молочный план»

#выпускник Суриковки

#Четвёртый канал

Серёжа

#болтовня на картоне

#«нарисовать кадр»

#придумали невиданное

Девяносто второй год.

Ещё года не прошло с тех пор, как дождливыми ночами горели костры напротив Белого дома.

К кострам можно было подойти всякому, кто мог спеть хоть строчку из «Битлз». Большевики были неотличимы от нас, но они не знали «Битлз». Вот и пропуск.

Костры горели в ожидании танков.

Предполагалось, что агонизирующий большевизм в любую секунду мог попытаться продлить жизнь при помощи механического сердца Таманской дивизии. И тогда все эти битломаны с лицами Окуджавы легли бы под гусеницы вокруг Белого дома

Они были вполне к тому готовы.

Но танки не пришли: оказалось, Железный Феликс вконец проржавел. Костры благополучно догорели, гигантский триколор и юного Ельцина на руках пронесли по всем телеэкранам.

Наступила эра романтической, как Собчак, космополитичной, как Хакамада, и необузданной, как Ельцин, свободы.

Из останкинских кабинетов ушла цивилизация величественных финксов с каменными, по-партийному взы-